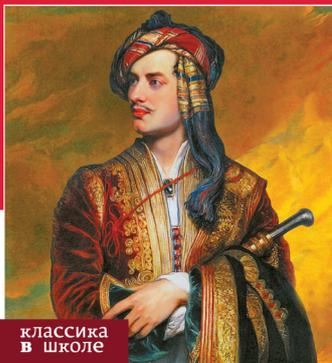

Джордж
Байрон

Паломничество
Чайльд-Гарольда

классика
в школе

Джордж Гордон Байрон

Паломничество Чайльд-Гарольда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8499055

Джордж Гордон Байрон. Паломничество Чайльд-Гарольда: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72216-7

Аннотация

Перед вами книга из серии «Классика в школе», в которой собраны все произведения, изучающиеся в начальной школе, средних и старших классах. Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе, и для внеклассных заданий. Избавьте своего ребенка от длительных поисков и невыполненных уроков.

Поэма Дж.Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» изучается на уроках литературы в 10-11 классах.

Это – самая блестящая из книг английского романтизма.

Книга, которая в свое время произвела самый грандиозный скандал за всю историю британской литературы XIX в.

Это – книга, которой отчаянно восхищались и столь же отчаянно возмущались. Поэма, что потрясла основы основ морали и нравственности своей эпохи и подарила миру одного из знаменитейших литературных героев человечества – героя, без которого не существовало бы ни пушкинского Онегина, ни лермонтовского Печорина.

Это – просто «Паломничество Чайльд-Гарольда».

Содержание

Предисловие	5
Дополнение к предисловию	6
Ианте	7
Песнь первая	9
Инесе	36
Песнь вторая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Джордж Гордон Байрон

Паломничество Чайльд-Гарольда

L'univers est une espèce de livre, dont on n'a lu que la première page quand on n'a vu que son pays. J'en ai feuilleté un assez grand nombre, que j'ai trouvé également mauvaises. Cet examen ne m'a point été infructueux. Je haïssais ma patrie. Toutes les impertinences des peuples divers, parmi lesquels j'ai vécu, m'ont réconcilié avec elle. Quand je n'aurais tiré d'autre bénéfice de mes voyages que celui-là, je n'en regretterais ni les frais, ni les fatigues.

Le Cosmopolite!

© В. Левик, перевод на русский язык. Наследники, 2014

Предисловие (к песням первой и второй)

Большая часть этой поэмы была написана в тех местах, где происходит ее действие. Она была начата в Албании, а те части, которые относятся к Испании и Португалии, основаны на личных наблюдениях автора в этих странах. Я упоминаю об этом как о ручательстве за верность описаний. Сцены и пейзажи, набросанные здесь автором, рисуют Испанию, Португалию, Эпир, Акарнанию и Грецию. На этом поэма покуда остановилась. Осмелится ли автор повести читателя по Ионии и Фригии в столицу Востока, зависит от того, как будет принято его творение. Эти две песни – не более, чем проба.

Вымышленный герой был введен в поэму с целью связать ее отдельные части: это, однако, не означает, что автор не намерен допускать отступления. Друзья, мнение которых я высоко ценю, предостерегали меня, считая, что кое-кто может заподозрить, будто в этом вымышленном характере Чайльд-Гарольда я изобразил реально существующую личность. Такое подозрение я позволю себе отвергнуть раз и навсегда. Гарольд – дитя воображенья, созданное мною только ради упомянутой цели. Некоторые совсем несущественные и чисто индивидуальные черты, конечно, могут дать основание для таких предположений. Но главное в нем, я надеюсь, подобных подозрений не вызовет.

Излишне, может быть, говорить, что титул «Чайльд» (вспомним Чайльд-Уотерс, Чайльд-Чайльдерс и т. п.) был мною выбран как наиболее сообразный со старинной формой стихосложения.

«Прости, прости!» в начале песни первой навеяно «Прощанием лорда Максвелла» в «Пограничных песнях», изданных м-ром Скоттом.

В первой части, где речь идет о Пиренейском полуострове, можно усмотреть некоторое сходство с различными стихотворениями, темой которых является Испания; но это только случайность, потому что за исключением нескольких конечных строф вся эта песня была написана в Леванте.

Спенсера строфа, принадлежащая одному из наших наиболее прославленных поэтов, допускает огромное разнообразие. Д-р Битти говорит об этом: «Недавно я начал поэму в стиле Спенсера, его строфой. Я хочу в ней дать полный простор моим склонностям и сделать ее то шутивной, то возвышенной, то описательной, то сентиментальной, нежной или сатирической – как подскажет настроение. Если не ошибаюсь, размер, выбранный мною, в одинаковой степени допускает все эти композиционные ходы...»

Опираясь на такие авторитеты и на пример многих выдающихся итальянских поэтов, я не стану оправдываться в том, что мое сочинение построено на таких же сменах и переходах. Если мои стихи не будут иметь успеха, я буду удовлетворен сознанием, что причина этой неудачи кроется только в исполнении, но не в замысле, освященном именами Ариосто, Томсона и Битти.

Лондон, февраль 1812

Дополнение к предисловию

Я ждал, пока наши периодические листки не израсходуют свою обычную порцию критики. Против справедливости этой критики в целом я ничего не могу возразить; мне не пристало оспаривать ее легкие порицания, и возможно, что будь она менее доброй, она была бы более искренней. Но, выражая всем критикам и каждому в отдельности свою благодарность за их терпимость, я должен все-таки высказать свои замечания по одному только поводу. Среди многих справедливых упреков, которые вызвал характер моего «странствующего рыцаря» (я все-таки, несмотря на многочисленные признаки обратного, утверждаю, что это характер вымышленный), высказывалось мнение, что он, не говоря уже об анахронизмах, ведет себя очень нерыцарственно, между тем как времена рыцарства – это времена любви, чести и т. п. Но теперь уже известно, что доброе старое время, когда процветала «любовь добрых старых времен, старинная любовь», было как раз наиболее развратным из всех возможных эпох истории. Те, кто сомневается в этом, могут справиться у Сент-Пале во многих местах и особенно во второй части (стр. 69). Обеты рыцарства исполнялись не лучше, чем все другие обеты, а песни трубадуров были не менее непристойны и уж во всяком случае менее изысканны, чем песни Овидия. В «Дворах любви», «Беседах любви, учтивости и любезности» гораздо больше занимались любовью, чем учтивостью и любезностью. Смотри об этом Роллана и Сент-Пале.

Какие бы возражения ни вызывал в высшей степени непривлекательный характер Чайльд-Гарольда, он был во всяком случае настоящим рыцарем – «не трактирным слугой, а тамплиером». Между прочим, я подозреваю, что сэр Тристрам и сэр Ланселот были тоже не лучше, чем они могли быть, при том, что это персонажи высокопоэтические и настоящие рыцари «без страха», хотя и не «без упрека». Если история установления ордена «Подвязки» не вымысел, то, значит, рыцари этого ордена уже несколько столетий носят знак графини Сэлисбери, отнюдь не блиставшей доброю славой. Вот правда о рыцарстве. Берку не следовало сожалеть о том, что времена рыцарства прошли, хотя Мария-Антуанетта была так же целомудренна, как и большинство тех, во славу которых ломались копья и рыцарей сбрасывали с коней.

За время от Баярда до сэра Джозефа Бенкса, самого целомудренного и знаменитого рыцаря старых и новых времен, мы найдем очень мало исключений из этого правила, и я боюсь, что при некотором углублении в предмет мы перестанем сожалеть об этом чудовищном маскараде средних веков.

Теперь я предоставляю Чайльд-Гарольду продолжать свою жизнь таким, каков он есть. Было бы приятнее и, конечно, легче изобразить более привлекательный характер. Было бы легко притушить его недостатки, заставить его больше делать и меньше говорить, но он предназначался отнюдь не для того, чтобы служить примером. Скорее следовало бы учиться на нем тому, что ранняя развращенность сердца и пренебрежение моралью ведут к пресыщенности прошлыми наслаждениями и разочарованию в новых, и красоты природы, и радость путешествий, и вообще все побуждения, за исключением только честолюбия – самого могущественного из всех, потеряны для души так созданной или, вернее, ложно направленной. Если бы я продолжил поэму, образ Чайльда к концу углубился бы, потому что контур, который я хотел заполнить, стал бы, за некоторыми отклонениями, портретом современного Тимона или принявшего поэтическую форму Зелуко.

Лондон, 1813

Ианте

Ни в землях, где бродил я пилигримом,
Где несравненны чары красоты,
Ни в том, что сердцу горестно любимым
Осталось от несбывшейся мечты,
Нет образа прекраснее, чем ты,
Ни наяву, ни в снах воображенья.
Для видевших прекрасные черты
Бессильны будут все изображенья,
А для невидевших – найду ли выраженья?

Будь до конца такой! Не измени
Весне своей, для счастья расцветая.
И красоту и прелесть сохрани —
Все, что Надежда видит в розах мая.
Любовь без крыльев! Чистота святая!
Хранительнице юности твоей,
Все лучезарней с каждым днем блистая,
Будь исцеленьем от земных скорбей,
Прекрасной радугой ее грядущих дней.

Я счастлив, пери Запада, что вдвое
Тебя я старше, что могу мечтать,
Бесстрастно глядя на лицо такое,
Что суждена мне жизнью благодать
Не видеть, как ты будешь увядать,
Что я счастливей юношей докучных,
Которым скоро по тебе страдать,
И мне не изливаться в рифмах звучных,
Чтобы спастись от мук, с любовью неразлучных.

О, влажный взор газели молодой,
То ласковый, то пламенный и страстный,
Всегда влекущий дикой красотой,
Моим стихам ответь улыбкой ясной,
Которой ждал бы я в тоске напрасной,
Когда бы дружбы преступил порог.
И у певца не спрашивай, безгласный,
Зачем, отдав ребенку столько строк,
Я чистой лилией украсил свой венок.

Вошла ты в песню именем своим,
И друг, страницы «Чайльда» пробегая,
Ианту первой встретит перед ним,
И уж не позабудет, дорогая.
Когда ж мой век исчислит парка злая,

Коснись тех струн, что пели твой расцвет,
Хвалу тебе, красавица, слагая.
Надежде большим твой не льстит поэт,
А меньшего, дитя, в устах у Дружбы нет.

Песнь первая

1

Не ты ль слыла небесной в древнем мире,
О Муза, дочь Поэзии земной,
И не тебя ль бесчестили на лире
Все рифмачи преступною рукой!
Да не посмею твой смутить покой!
Хоть был я в Дельфах, слушал, как в пустыне
Твой ключ звенит серебряной волной,
Простой рассказ мой начиная ныне,
Я не дерзну взывать о помощи к богине.

2

Жил в Альбионе юноша. Свой век
Он посвящал лишь развлечениям праздным.
В безумной жажде радостей и нег
Распутством не гнушаясь безобразным,
Душою предан низменным соблазнам,
Но чужд равно и чести и стыду,
Он в мире возлюбил многообразном,
Увы! лишь кратких связей череду
Да собутыльников веселую орду.

3

Он звался Чайльд-Гарольд. Не все равно ли,
Каким он вел блестящим предкам счет!
Хоть и в гражданстве, и на бранном поле
Они снискали славу и почет,
Но осрамит и самый лучший род
Один бездельник, развращенный ленью,
Тут не поможет ворох льстивых од,
И не придашь, хвалясь фамильной сенью,
Пороку – чистоту, невинность – преступленью.

4

Вступая в девятнадцатый свой год,
Как мотылек, резвился он, порхая,
Не помышлял о том, что день пройдет,
И холодом повеет тьма ночная.
Но вдруг, в расцвете жизненного мая,
Заговорило пресыщенье в нем,
Болезнь ума и сердца роковая,
И показалось мерзким все кругом:
Тюрьмою – родина, могилой – отчий дом.

5

Он совести не знал укоров строгих
И слепо шел дорогою страстей.
Любил одну – прельщал любовью многих,
Любил – и не назвал ее своей.
И благо ускользнувшей от сетей
Развратника, что, близ жены скучая,
Бежал бы вновь на буйный пир друзей
И, все, что взял приданым, расточая,
Чуждался б радостей супружеского рая.

6

Но в сердце Чайльд глухую боль унес,
И наслаждений жажда в нем остыла,
И часто блеск его внезапных слез
Лишь гордость возмущенная гасила.
Меж тем тоски язвительная сила
Звала покинуть край, где вырос он, —
Чужих небес приветствовать светила;
Он звал печаль, весельем пресыщен,
Готов был в ад бежать, но бросить Альбион.

7

И в жажде новых мест Гарольд умчался,
Покинув свой почтенный старый дом,

Что сумрачной громадой возвышался,
Весь почерневший и покрытый мхом.
Назад лет сто он был монастырем,
И ныне там плясали, пели, пили,
Совсем как в оны дни, когда тайком,
Как повествуют нам седые были,
Святые пастыри с красотками кутили.

8

Но часто в блеске, в шуме людных зал
Лицо Гарольда муку выражало.
Отвергнутую страсть он вспоминал
Иль чувствовал вражды смертельной жало —
Ничье живое сердце не узнало.
Ни с кем не вел он дружеских бесед.
Когда смятенье душу омрачало,
В часы раздумий, в дни сердечных бед
Презреньем он встречал сочувственный совет.

9

И в мире был он одинок. Хоть многих
Поил он щедро за столом своим,
Он знал их, прихлебателей убогих,
Друзей на час – он ведал цену им.
И женщинами не был он любим.
Но боже мой, какая не сдается,
Когда мы блеск и роскошь ей сулим!
Так мотылек на яркий свет несется,
И плачет ангел там, где сатана смеется.

10

У Чайльда мать была, но наш герой,
Собравшись бурной ввериться стихии,
Ни с ней не попрощался, ни с сестрой,
Единственной подругой в дни былые.
Ни близкие не знали, ни родные,
Что едет он. Но то не черствость, нет:
Хоть отчий дом он покидал впервые,
Уже он знал, что сердце много лет

Хранит прощальных слез неизгладимый след.

11

Наследство, дом, поместья родовые.
Прелестных дам, чей смех он так любил,
Чей синий взор, чьи локоны золотые
В нем часто юный пробуждали пыл, —
Здесь даже и святой бы согрешил, —
Вином бесценным полные стаканы —
Все то, чем роскошь радует кутил,
Он променял на ветры и туманы,
На рокот южных волн и варварские страны.

12

Дул свежий бриз, шумели паруса,
Все дальше в море судно уходило,
Бледнела скал прибрежных полоса,
И вскоре их пространство поглотило:
Быть может, сердце Чайльда и грустило,
Что повлеклось в неведомый простор,
Но слез не лил он, не вздыхал уныло,
Как спутники, чей увлажненный взор,
Казалось, обращал к ветрам немой укор.

13

Когда же солнце волн коснулось краем,
Он лютню взял, которой он привык
Вверить все то, чем был обуреваем
Равно и в горький и в счастливый миг,
И на струнах отзывчивых возник
Протяжный звук, как сердца стон печальный,
И Чайльд запел, а белокрылый бриг
Летел туда, где ждал их берег дальний,
И в шуме темных волн тонул напев прощальный.

«Прости, прости! Все крепнет шквал,
Все выше вал встает,
И берег Англии пропал
Среди кипящих вод.

Плывем на Запад, солнцу вслед,
Покинув отчий край.
Прощай до завтра, солнца свет,
Британия, прощай!

Промчится ночь, оно взойдет
Сиять другому дню,
Увижу море, небосвод,
Но не страну мою.
Погас очаг мой, пуст мой дом,
И двор травой зарос.
Мертво и глухо все кругом,
Лишь воет старый пес.

Мой паж, мой мальчик, что с тобой?
Я слышал твой упрек.
Иль так напуган ты грозой,
Иль на ветру продрог?
Мой бриг надежный крепко сшит,
Ненужных слез не лей.
Быстрейший сокол не летит
Смелей и веселей».

«Пусть воет шквал, бурлит вода,
Грохочет в небе гром, —
Сэр Чайльд, все это не беда,
Я плачу о другом.
Отца и мать на долгий срок
Вчера покинул я,
И на земле лишь вы да Бог
Теперь мои друзья.

Отец молитву произнес
И отпустил меня,
Но знаю, мать без горьких слез
Не проведет и дня».
«Мой паж, дурные мысли прочь,
Разлуки минет срок!
Я сам бы плакал в эту ночь
Когда б я плакать мог.

Мой латник верный, что с тобой?
Ты мертвеца бледней.
Предвидишь ты с французом бой,
Продрог ли до костей?»
«Сэр Чайльд, привык я слышать гром
И не бледнеть в бою,
Но я покинул милый дом,
Любимую семью.

Где замок ваш у синих вод,
Там и моя страна.
Там сын отца напрасно ждет,
И слезы льет жена».
«Ты прав, мой верный друг, ты прав,
Понятна скорбь твоя,
Но у меня беспечный нрав,
Смеюсь над горем я.

Я знаю, слезы женщин – вздор,
В них постоянства нет.
Другой придет, пленит их взор,
И слез пропал и след.
Мне ничего не жаль в былом,
Не страшен бурный путь,
Но жаль, что, бросив отчий дом,
Мне не о ком вздохнуть.

Вверяюсь ветру и волне,
Я в мире одинок.
Кто может вспомнить обо мне,
Кого б я вспомнить мог?
Мой пес поплачет день, другой,
Разбудит воем тьму
И станет первому слугой,
Кто бросит кость ему.

Наперекор грозе и мгле
В дорогу, рулевой!
Веди корабль к любой земле,
Но только не к родной!
Привет, привет, морской простор,
И вам – в конце пути —
Привет, леса, пустыни гор!
Британия, прости!»

14

Плывет корабль унылых вод равниной,
Шумит Бискайи пасмурный залив.
На пятый день из волн крутой вершиной,
Усталых и печальных ободрив,
Роскошной Синтры горный встал массив.

Вот, моря данник, меж холмов покатых
Струится Тахо, быстр и говорлив,

Они плывут меж берегов богатых,
Где волнам вторит шум хлебов, увы, несжатых.

15

Неизъяснимой полон красоты
Весь этот край, обильный и счастливый.
В восторге смотришь на луга, цветы,
На тучный скот, на пастбища и нивы,
И берега, и синих рек извивы,
Но в эту землю вторглись палачи, —
Срази, о небо, род их нечестивый!
Все молнии, все громы ополчи,
Избавь эдем земной от галльской саранчи!

16

Чудесен Лиссабон, когда впервые
Из тех глубин встает пред нами он,
Где виделись поэтам золотые
Пески, где, Луза охраняя трон,
Надменный флот свой держит Альбион —
Для той страны, где чванство нормой стало
И возвело невежество в закон,
Но лижет руку, пред которой пала
Незыблемая мощь воинственного галла.

17

К несчастью, город, столь пленивший нас,
Вблизи теряет прелесть невозвратно.
Он душит вонью, оскорбляет глаз,
Все черное, на всем подтеки, пятна,
И знать и плебс грязны невероятно.
Любое, пусть роскошное, жилье,
Как вся страна, нечисто, неопрятно,
И – напади чесотка на нее —
Не станут мыться здесь или менять белье.

18

Презренные рабы! Зачем судьба им
Прекраснейшую землю отдала —
Сиерру, Синтру, прозванную раем,
Где нет красотам меры и числа.
О, чье перо и чья бы кисть могла
Изобразить величественный форум —
Все то, что здесь Природа создала,
Сумев затмить Элизий, над которым
Завесы поднял бард пред нашим смертным взором.

19

В тени дубрав, на склонах темных круч
Монастырей заброшенных руины,
От зноя бурый мох, шумящий ключ
В зеленой мгле бессолнечной лощины,
Лазури яркой чистые глубины,
На зелени оттенок золотой,
Потоки, с гор бегущие в долины,
Лоза на взгорье, ива над водой —
Так, Синтра, ты манишь волшебной пестротой.

20

Крутая тропка кружит и петлит,
И путник, останавливаясь чаще,
Любуется – какой чудесный вид!
Но вот обитель Матери Скорбящей,
Где вам монах, реликвии хранящий,
Расскажет сказки, что народ сложил:
Здесь нечестивца гром настиг разящий,
А там, в пещере, сам Гонорий жил
И сделал адом жизнь, чем рая заслужил.

21

Но посмотри, на склонах, близ дороги,
Стоят кресты. Заботливой рукой

Не в час молитв, не в помыслах о Боге
Воздвигли их. Насилье и разбой
На этот край набег свершили свой,
Земля внимала жертв предсмертным стонам,
И вопиют о крови пролитой
Кресты под равнодушным небосклоном,
Где мирный труженик не огражден законом.

22

На пышный дол глядят с крутых холмов
Руины, о былом напоминая.
Где был князей гостеприимный кров,
Там ныне камни и трава густая.
Вон замок тот, где жил правитель края,
И ты, кто был так сказочно богат,
Ты, Ватек, создал здесь подобье рая,
Не ведая средь царственных палат,
Что все богатства – тлен и мира не сулят.

23

Ты свой дворец воздвигнул здесь в долине
Для радостей, для нег и красоты,
Но запустеньем все сменилось ныне,
Бурьян раскинул дикие кусты,
И твой эдем, он одинок, как ты.
Обрушен свод, остались только стены,
Как памятники брэнной суеты.
Не все ль услады бытия мгновенны!
Так на волне блеснет – и тает сгусток пены.

24

А в этом замке был совет вождей,
Он ненавистен гордым англичанам.
Здесь карлик-шут, пустейший из чертей,
В пергаментном плаще, с лицом шафранным,
Британцев дразнит смехом непрерывным.
Он держит черный свиток и печать,
И надписи на этом свитке странном,
И рыцарских имен десятков пять,

А бес не устает, дивясь им, хохотать.

25

Тот бес, дразнящий рыцарскую клику, —
Конвенция, на ней споткнулся бритт.
Ум (если был он), сбитый с панталыку,
Здесь превратил триумф народа в стыд;
Победы цвет Невежеством убит,
Что отдал Меч, то Речь вернула вскоре,
И лавры Лузитания растит
Не для таких вождей, как наши тори.
Не побежденным здесь, а победившим горе!

26

С тех пор как был британцу дан урок,
В нем слово «Синтра» гнев бессильный будит.
Парламент наш краснел бы, если б мог,
Потомство нас безжалостно осудит.
Да и любой народ смеяться будет
Над тем, как был сильнейший посрамлен.
Враг побежден, но это мир забудет,
А вырвавший победу Альбион
Навек презрением всех наций заклемен.

27

И, полный смуты, все вперед, вперед
Меж горных круч угрюмый Чайльд стремится.
Он рад уйти, бежать от всех забот,
Он рвется вдаль, неутомим как птица.
Иль совесть в нем впервые шевелится?
Да, он клянет пороки буйных лет,
Он юности растраченной стыдится,
Ее безумств и призрачных побед,
И все мрачнее взор, узревший Правды свет.

28

Коня! коня! гонимый бурей снова,
Хотя кругом покой и тишина,
Назло дразнящим призракам бывшего
Он ищет не любовниц, не вина,
Но многие края и племена
Изведает беглец неугомонный,
Пока не станет цель ему ясна,
Пока, остывший, жизнью умудренный,
Он мира не найдет под кровлей благосклонной.

29

Однако вот и Мафра. Здесь, бывало,
Жил королевы лузитанской двор.
Сменялись мессы блеском карнавала,
Церковным хором – пиршественный хор.
Всегда с монахом у вельможи спор.
Но эта Вавилонская блудница
Такой дворец воздвигла среди гор,
Что всем хотелось только веселиться,
Простить ей казни, кровь – и в роскоши забыться.

30

Изгибы романтических холмов,
Как сад сплошной – долины с свежей тенью.
(Когда б народ хоть здесь не знал оков!)
Все манит взор, все дышит сладкой ленью.
Но Чайльд спешит отдаться вновь движенью,
Несносному для тех, кто дорожит
Уютным креслом и домашней сенью,
О, воздух горный, где бальзам разлит!
О, жизнь, которой чужд обрюзгший сибарит!

31

Холмы все реже, местность все ровней,
Бедней поля, и зелень уж другая.
И вот открылась даль пустых степей,
И кажется, им нет конца и края.
Пред ним земля Испании нагая,
Где и пастух привык владеть клинком,

Бесценные стада оберегая.
В соседстве с необузданным врагом
Испанец должен быть солдатом иль рабом.

32

Но там, где Португалию встречает
Испания, граница не видна.
Соперниц там ни даль не разделяет,
Ни вздыбленной Сиерры крутизна,
Не плещет Тахо сильная волна
Перед царицей стран заокеанских,
Не высится Китайская стена,
Нет горной цепи вроде скал гигантских
На рубеже земель французских и испанских.

33

Лишь ручеек бежит, невозмутим,
Хоть с двух сторон – враждебные державы.
На посох опершись, стоит над ним
Пастух испанский – гордый, величавый.
Глядит на небо, на ручей, на травы,
И не робеет между двух врагов.
Он изучил своих соседей нравы,
Он знает, что испанец не таков,
Как португальский раб, подлеший из рабов.

34

Но вот, едва рубеж вы перешли,
Пред вами волны темной Гвадианы,
Не раз воспетой в песнях той земли,
Бурлят и ропщут, гневом обуянны.
Двух вер враждебных там кипели станы,
Там сильный пал в неистовой резне,
Там брали верх то шлемы, то тюрбаны,
Роскошный мавр и мних в простой броне —
Все обретали смерть в багровой глубине.

35

Романтики воскресшая страна,
Испания, где блеск твоей державы?
Где крест, которым ты была сильна,
Когда предатель мстил за слезы Кавы,
И трупы готов нес поток кровавый?
Твой стяг царям навязывал закон,
Он обуздал разбойничьи оравы,
И полумесяц пал, крестом сражен,
И плыл над Африкой вой мавританских жен.

36

Теперь лишь в песнях отзвук тех побед,
Лишь в песнях вечность обрели герои,
Столпы разбиты, летописей нет,
Но помнит песнь величие былое.
Взгляни с небес на поприще земное,
О Гордость! Рухнет бронза и гранит,
И только песнь верней, чем все иное,
Когда историк лжет, а льстец забыт,
Твое бессмертие в народе сохранит.

37

К оружию, испанцы! Мщенье, мщенье!
Дух Реконкисты правнуков зовет.
Пусть не копьё подьмет он в сраженье,
Плюмажем красным туч не достает,
Но, свистом пуль означив свой полет,
Ощерив жерла пушек роковые,
Сквозь дым и пламень кличет он: вперед!
Иль зов его слабей, чем в дни былые,
Когда он вдохновлял сынов Андалусии?

38

Я слышу звон металла и копыт
И крики битвы в зареве багряном,

То ваша кровь чужую сталь поит,
То ваши братья сражены тираном.
Войска его идут тройным тараном,
Грохочут залпы на высотах гор,
И нет конца увечиям и ранам.
Летит на тризну Смерть во весь опор,
И ярый бог войны приветствует раздор.

39

Он встал, гигант, он будто в скалы врос,
В ужасной длани молния зажата,
Копна кроваво-рыжая волос
Черна на красном пламени заката.
Глаза – навывкат. Гибнет все, что свято,
От их огня. У ног его припав
И брата поднимая против брата,
Ждет Разрушенье битвы трех держав,
Чьей крови жаждет бог, свирепый теша нрав.

40

Великолепно зрелище сраженья
(Когда ваш друг в него не вовлечен).
О, сколько блеска, грома и движенья!
Цветные шарфы, пестрый шелк знамен.
Сверкает хищно сталь со всех сторон,
Несутся псы, добычу настигая.
Не всем триумф, но всем – веселый гон,
Всем будет рада Мать-земля сырая.
И шествует Война, трофеи собирая.

41

Три знамени взывают к небесам,
Три языка воздвигли спор ужасный.
Француз, испанец, бритт сразились там, —
Враг, жертва и союзник тот опасный,
В чью помощь верить – право, труд напрасный.
У Талаверы, смерть ища в бою
(Как будто ей мы дома не подвластны!),
Сошлись они, чтоб кровь пролить свою,

Дать жирный тук полям и пищу воронью.

42

И здесь им тлеть, глупцам, прельщенным славой
И славы удостоенным в гробах.
О, бред! Орудья алчности кровавой —
Их тысячи тиран бросает в прах,
Свой воздвигая трон на черепах, —
Спроси зачем – во имя сновиденья!
Он царствует, пока внушает страх,
Но станет сам добычей смрадной тленья,
И тесный гроб ему заменит все владенья.

43

О поле скорбной славы, Альбуера!
Среди равнин, где шпорит Чайльд коня,
Кто знал, что завтра зла свершится мера,
Что на заре твой сон прервет резня.
Мир мертвым! В память гибельного дня
Им слезы горя, им венец героя!
Так славьтесь же, в преданиях звеня,
Пока, могилы новым жертвам роя,
Их сонмы новый вождь не кинет в ужас боя.

44

Но хватит о любовниках войны!
Была их гибель данью славословью.
Чтобы один прославлен был, должны
Милльоны пасть, насытив землю кровью.
Отчизна да спасется их любовью!
Цель благородна. А живи они,
Покорствуя других богов условью,
Могли б в разбое, в ссоре кончить дни
Позором для друзей, отчизны и родни.

45

И вот Севилью видит пилигрим.
Еще блистает буйной красотой
Свободный город, но уже над ним
Насилье кружит. Огненной пятою
Войдет тиран, предаст его разбою
И грабежу. О, если б смертный мог
Бороться с неизбежною судьбою!
Не пала б Троя, Тир не изнемог,
Добро не гибло бы, не властвовал порок.

46

Но, близящихся бед не сознавая,
Еще Севилья пляшет и поет,
Веселая, беспечная, живая.
Тут патриотам их страна не в счет!
Воркуют лютни, барабан не бьет,
Над всем царит веселье молодое,
Разврат свершает поздний свой обход,
И Преступленье крадется ночное
Вдоль стен, дряхлеющих в торжественном покое.

47

Не то крестьянин. С бледною женой
Он тужит днем, ночей не спит в печали.
Их виноградник вытопан войной,
В селе давно фанданго не плясали,
Звезда любви восходит, но едва ли
Раздастся дробь веселых кастаньет...
Цари, цари! Когда б вы только знали
Простое счастье! Смолк бы гром побед,
Не стал бы трубный зов предвестьем стольких бед.

48

Какою ныне песней оживляет
Погонщик мулов долгий переход?
Любовь ли, старину ли прославляет,
Как славил их, когда не знал забот?

Нет, он теперь «Viva el Rey»¹ поет,
Но вдруг, Годоя вспомнив, хмурит брови
И Карла рога носного клянет,
А с ним его Луизу, в чьем алькове
Измена родилась, алкающая крови.

49

Среди равнины голой, на скале
Чернеют стены мавританских башен,
Следы копыт на раненой земле,
Печать огня на черном лице пашен.
Здесь орды вражды, грозен и бесстрашен,
Андалусийский селянин встречал.
Здесь кровью гостя был не раз окрашен
Его клинок, когда на гребнях скал
Драконьи логова он дерзко штурмовал.

50

Здесь, не надев на шляпу ленты красной,
Не смеет появиться пешеход.
Когда ж дерзнет, раскается несчастный,
То будет знак, что он не патриот.
А нож остер, он мимо не скользнет.
О Франция, давно бы ты дрожала,
Когда б имел хоть ружья здесь народ,
Когда б от взмаха гневного кинжала
Тупели тесаки и пушка умолкала.

51

С нагих высот Морены в хмурый дол
Стволы орудий смотрят, выжидая.
Там бастион, тут ямы, частокол,
Там ров с водой, а там скала крутая
С десятком глаз внимательных вдоль края,
Там часовой с опущенным штыком,
Глядят бойницы, дулами сверкая,
Фитиль зажжен, и конь под чепраком,

¹ «Да здравствует король!» (исп.).

И ядра горками уложены кругом.

52

Заглянем в день грядущий: кто привык
Ниспровергать одним движеньем троны,
Свой жезл подняв, задумался на миг, —
Лишь краткий миг он медлил, изумленный.
Но вскоре вновь он двинет легионы,
Он – Бич Земли! – на Западе воскрес.
Испания! Ты узришь гнев Беллоны,
И грифы галла ринутся с небес,
Чтоб кинуть тысячи сынов твоих в Гадес.

53

Ужель вам смерть судьба определила,
О юноши, Испании сыны!
Ужель одно: покорность иль могила,
Тирана смерть иль гибель всей страны?
Вы стать подножьем деспота должны!
Где Бог? Иль он не видит вас, герои,
Иль стоны жертв на небе не слышны?
Иль тщетно все: искусство боевое,
Кровь, доблесть, юный жар, честь, мужество стальное!

54

Не оттого ль, для битв покинув дом,
Гитару дочь Испании презрела,
Повесила на иву под окном
И с песней, в жажде доблестного дела,
На брань с мужами рядом полетела.
Та, кто, иголкой палец уколов
Или заслышав крик совы, бледнела,
По грудам мертвых тел, под звон штыков,
Идет Минервой там, где дрогнуть Марс готов.

55

Ты слушаешь, и ты пленен, но боже!
Когда б ты знал, какой была она
В кругу семьи, в саду иль в темной ложе!
Как водопад, волос ее волна,
Бездонна глаз лучистых глубина,
Прелестен смех, живой и нестесненный, —
И слово меркнет, кисть посрамлена,
Но вспомни Сарагоссы бастионы,
Где веселил ей кровь мертвящий взгляд Горгоны.

56

Любимый ранен – слез она не льет,
Пал капитан – она ведет дружину,
Свои бегут – она кричит: вперед!
И натиск новый смел врагов лавину.
Кто облегчит сраженному кончину?
Кто отомстит, коль лучший воин пал?
Кто мужеством одушевит мужчину?
Все, все она! Когда надменный галл
Пред женщинами столь позорно отступал?

57

Но нет в испанках крови амазонок,
Для чар любви там дева создана.
Хоть в грозный час – еще полуробенек —
С мужчиной рядом в бой идет она,
В самом ожесточении нежна,
Голубка в роли львицы разъяренной,
И тверже, но и женственней она,
И благородней в прелести врожденной,
Чем наши сплетницы с их пошлостью салонной.

58

Амур отметил пальчиком своим
Ей подбородок нежный и чеканный,
И поцелуй, что свил гнездо над ним,
С горячих губ готов слететь нежданный.
– Смелей! – он шепчет. – Миг настал желанный,
Она твоя, пусть недостойн ты!

Сам Феб ей дал загар ее румяный.
Забудь близ этой яркой красоты
Жен бледных Севера бесцветные черты!

59

В краях, не раз прославленных на лире,
В гаремах стран, где медлит мой рассказ,
Где славит жен и циник, злейший в мире,
Хоть издали, хоть прячут их от нас,
Чтоб ветерок не сдул их с мужних глаз,
Среди красавиц томного Востока
Испанку вспомни – и поймешь тотчас,
Кто жжет сильней мгновенным блеском ока,
Кто ангел доброты и гурия Пророка.

60

О ты, Парнас! ты мне сияешь въяве,
Не сновиденьем беглым, не мечтой,
Но здесь, во всей тысячелетней славе,
Запечатленный дикой красотой,
На этой почве древней и святой.
Так я ли, твой паломник, о могучий,
Тебя хоть краткой не почту хвалой!
О, пусть услышу отклик твой певучий,
И муза крыльями взмахнет над снежной кручей.

61

Как часто мне являлся ты во сне!
Я слышал звуки древних песнопений,
И час настал, и ты открылся мне.
Я трепещу, и клонятся колени,
Передо мной – певцов великих тени,
И стыдно мне за слабый голос мой.
О, где найти слова для восхвалений?
И бледный, умиленный и немой,
Я тихо радуюсь: Парнас передо мной!

62

Сколь многие тебя в восторге пели,
Ни разу не видав твоих красот,
Не посетив страны твоей, – так мне ли
Сдержат порыв, когда душа поет!
Пусть Аполлон покинул древний грот,
Где муз был трон, там ныне их гробница, —
Но некий дух прекрасный здесь живет,
Он в тишине лесов твоих таится,
И вздохи ветру шлет, и в глубь озер глядится.

63

Так! Чтоб воздать хвалу тебе, Парнас,
Души невольным движимый порывом,
Прервал я об Испании рассказ,
О той стране, что новым стала дивом,
Родная всем сердцам вольнолюбивым, —
Вернемся к ней. И если не венок
(Да не сочтут меня глупцом хвастливым),
От лавра Дафны хоть один листок
Позволь мне унести – бессмертия залог.

64

Прощай! Нигде среди этих древних гор,
Ни даже в дни Эллады золотые,
Когда гремел еще дельфийский хор,
Звучали гимны пифии святыя, —
Верь, не являлись девы молодые
Прекрасней тех, что дивно расцвели
Средь пылких нег в садах Андалусии, —
О, если б мир им боги принесли,
Хоть горький мир твоей, о Греция, земли!

65

Горда Севилья роскошью и славой,
Прекрасны в ней минувшего черты,

И все ж ты лучше, Кадикс многоглавый,
Хоть похвалы едва ль достоин ты.
Но чьей порок не соблазнял мечты,
Кто не блуждал его тропой опасной,
Пока блистали юности цветы?
Вампир с улыбкой херувима ясной.
Для каждого иной, для всех равно прекрасный!

66

Пафос погиб, когда царица нег
Сама пред силой Времени склонилась,
И на другой, но столь же знойный брег
За нею Наслаждение удалилось.
Та, кто измен любовных не стыдилась,
Осталась верной лишь родным волнам,
За эти стены белые укрылась,
И в честь Киприды не единый храм,
Но сотни алтарей жрецы воздвигли там.

67

С утра до ночи, с ночи до утра
Здесь праздный люд на улицах толпится.
Плащи, мантильи, шляпы, веера,
Гирлянды роз – весь город веселится.
Повсюду смех и праздничные лица,
Умеренность на стыд обречена.
Приехал – можешь с трезвостью проститься,
Здесь царство песни, пляски и вина
И, верите, любовь с молитвою дружна.

68

Пришла суббота – отдых и покой!
Но христианам не до сладкой лени.
Ведь завтра будет праздник, и какой!
Все на корриду кинутся, к арене,
Где пикадора, весь в кровавой пене,
Встречает бык, от бешенства слепой.
Прыжок! Удар! Конь рухнул на колени,
Кишки наружу. Хохот, свист и вой,

А женщины? Как все – поглощены борьбой!

69

И день седьмой ведет заря в тумане,
Пустеет Лондон в этот день святой.
Принарядясь, идут гулять мещане,
Выходит смывший грязь мастеровой
В неделю раз на воздух полевой.
По всем предместьям катит и грохочет
Карет, ландо, двуколок шумный рой,
И конь, устав, уже идти не хочет,
А пеший грубиян глумится и хохочет.

70

Один с утра на Темзу поспешил,
Другой пешком поплелся за заставу,
Тех манит Хайгет или Ричмонд-Хилл,
А этот в Вер повел друзей ораву.
По сердцу всяк найдет себе забаву, —
Тем невтерпеж почтить священный Рог,
А тем – попить и погулять на славу,
И, смотришь, пляшут, не жалея ног,
С полночи до утра – и тянут эль и грог.

71

Безумны все, о Кадикс, но тобою
Побит рекорд. На башне девять бьет,
И тотчас, внемля колокола бою,
Твой житель четки набожно берет.
Грехам у них давно потерян счет,
И все у Девы просят отпущенья
(Ведь дева здесь одна на весь народ!),
И в цирк несутся все без исключенья:
Гранд, нищий, стар и млад – все жаждут развлеченья.

72

Ворота настезь, в цирке уж полно,
Хотя еще сигнала не давали.
Кто опоздал, тем сесть не суждено.
Мелькают шпаги, ленты, шляпы, шали.
Все дамы, все на зрелище попали!
Они глазами так и целят в вас.
Подстрелят мигом, но убьют едва ли
И, ранив, сами вылечат тотчас.
Мы гибнем лишь в стихах из-за прекрасных глаз.

73

Но стихло все. Верхом, как отлитые,
Въезжают пикадоры из ворот.
Плюмаж их белый, шпоры – золотые,
Оружье – пика. Конь храпит и ржет,
С поклоном выступают все вперед.
По кругу вскачь, и шарф над каждым вьется.
Их четверо, кого ж награда ждет?
Кого толпа почтит, как полководца?
Кому восторженно испанка улыбнется?

74

В середине круга – пеший матадор.
Противника надменно ждет он к бою.
Он облачен в блистательный убор,
Он шпагу держит сильною рукою.
Вот пробует медлительной стопою,
Хорош ли грунт. Удар его клинка —
Как молния. Не нужен конь герою,
Надежный друг, что на рогах быка
Нашел бы смерть в бою, но спас бы седока.

75

Трубят протяжно трубы, и мгновенно
Цирк замер. Лязг засова, взмах флажком —
И мощный зверь на желтый круг арены
Выносится в пролет одним прыжком.
На миг застыл. Не в бешенстве слепом,
Но в цель уставясь грозными рогами,

Идет к врагу, могучим бьет хвостом,
Взметает гравий и песок ногами
И яростно косит багровыми зрачками.

76

Но вот он стал. Дорогу дай, смельчак,
Иль ты погиб! Вам биться, пикадоры!
Смертелен здесь один неверный шаг,
Но ваши кони огненны и скоры.
На шкуре зверя чертит кровь узоры.
Свист бандериллий, пик разящих звон...
Бык повернул, идет, – скорее шпоры!
Гигантский круг описывает он
И мчится, бешенством и болью ослеплен.

77

И вновь назад! Бессильны пики, стрелы,
Конь раненый, взвиваясь, дико ржет.
Наездники уверенны и смелы,
Но тут ни сталь, ни сила не спасет.
Ужасный рог вспорол коню живот,
Другому – грудь. Как рана в ней зияет!
Разверст очаг, где жизнь исток берет.
Конь прынул, мчится, враг его бросает,
Он гибнет, падая, но всадника спасает.

78

Средь конских трупов, бандериллий, пик,
Изранен, загнан, изнурен борьбою,
Стоит, храпя, остервенелый бык,
А матадор взвивает над собою
Свой красный шарф, он дразнит, нудит к бою,
И вдруг прыжок, и вражий прорван строй,

И бык летит сорвавшейся горою.
Напрасно! Брошен смелою рукой,
Шарф хлещет по глазам, – взмах, блеск, и кончен бой.

79

Где сращена с затылком мощным шея,
Там входит сталь. Мгновенье медлит он,
Не хочет, гордый, пасть к ногам злодея,
Не выдаст муки ни единый стон.
Но вот он рухнул. И со всех сторон
Ревут, вопят, ликуют, бьют в ладони,
Въезжает воз, четверкой запряжен,
Втащили тушу, и в смятенье кони,
Рванув, во весь опор бегут, как от погони.

80

Так вот каков испанец! С юных лет
Он любит кровь и хищные забавы.
В сердцах суровых состраданья нет,
И живы здесь жестоких предков нравы.
Кипят междоусобные расправы.
Уже я мнил, война народ сплотит, —
Увы! Блюдя обычай свой кровавый,
Здесь другу мстят из-за пустых обид,
И жизни теплый ключ в глухой песок бежит.

81

Но ревность, заточенные красотки,
Невольницы богатых стариков,
Дуэньи, и запоры, и решетки —
Все минуло, все ныне – хлам веков.
Чьи девы так свободны от оков,
Как (до войны) испанка молодая,
Когда она плясала средь лугов
Иль пела песнь, венки любви сплетая,
И ей в окно луна светила золотая.

82

Гарольд не раз любил, иль видел сон,
Да, сон любви, – любовь ведь сновиденье.

Но стал угрюмо-равнодушным он.
Давно в своем сердечном охлажденье
Он понял: наступает пробужденье,
И пусть надежды счастье нам сулят,
Кончается их яркое цветенье,
Волшебный исчезает аромат,
И что ж останется: кипящий в сердце яд.

83

В нем прелесть женщин чувства не будила,
Он стал к ним равнодушной мудреца,
Хотя его не мудрость охладила,
Свой жар высокий льющая в сердца.
Изведав все пороки до конца,
Он был страстями, что отбушевали,
И пресыщеньем обращен в слепца,
И жизнеотрицающей печали
Угрюмым холодом черты его дышали.

84

Он в обществе был сумрачен и хмур,
Хоть не питал вражды к нему. Бывало,
И песнь споет, и протанцует тур,
Но сердцем в том участвовал он мало.
Лицо его лишь скуку выражало.
Но раз он бросил вызов сатане.
Была весна, все радостью дышало,
С красавицей сидел он при луне
И стансы ей слагал в вечерней тишине.

Инесе

Не улыбайся мне, не жди
Улыбки странника ответной.
К его бесчувственной груди
Не приникай в печали тщетной.

Ты не поделишь, милый друг,
Страданья дней его унылых,
Ты не поймешь причины мук,
Которым ты помочь не в силах.

Когда бы ненависть, любовь
Иль честолюбье в нем бродило!
Нет, не они велят мне вновь
Покинуть все, что сердцу мило.

То скука, скука! С давних пор
Она мне сердце тайно гложет.
О, даже твой прекрасный взор,
Твой взор его развлечь не может!

Томим сердечной пустотой,
Делю я жребий Агасфера.
И в жизнь за гробовой чертой,
И в эту жизнь иссякла вера.

Бегу от самого себя,
Ищу забвенья, но со мною
Мой злобный демон, мысль моя, —
И в сердце места нет покою.

Другим все то, что скучно мне,
Дает хоть призрак наслажденья.
О, пусть пребудут в сладком сне,
Не зная муки пробужденья!

Проклятьем прошлого гоним,
Скитаюсь без друзей, без дома
И утешаюсь тем одним,
Что с худшим сердце уж знакомо.

Но с чем же? – спросишь ты. О нет,
Молчи, дитя, о том ни слова!
Взгляни с улыбкой мне в ответ,
И сердца не пытай мужского.

85

Прости, прости, прекрасный Кадикс мой!
Напрасно враг грозил высоким стенам.
Ты был средь бурь незыблемой скалой,
Ты незнаком с покорностью и пленом,
И если, гневом распален священным,
Испанца кровь дерзал ты проливать,
То суд был над изменником презренным.
Но изменить могла здесь только знать.
Лишь рыцарь был готов чужой сапог лобзать.

86

Испания, таков твой жребий странный:
Народ-невольник встал за вольность в бой.
Бежал король, сдаются капитаны,
Но твердо знамя держит рядовой.
Пусть только жизнь дана ему тобой,
Ему, как хлеб, нужна твоя свобода.
Он все отдаст за честь земли родной,
И дух его мужает год от года.
«Сражаться до ножа!» – таков девиз народа.

87

Кто хочет знать Испанию, прочти,
Как воевать Испания умела.
Все, что способна месть изобрести,
Все, в чем война так страшно преуспела —
И нож и сабля, – все годится в дело!
Так за сестер и жен испанцы мстят,
Так вражий натиск принимают смело,
Так чужеземных потчуют солдат
И не сочтут за труд отправить сотню в ад.

88

Ты видишь трупы женщин и детей
И дым над городами и полями?

Кинжала нет – дубиной, ломом бей,
Пора кончать с незванными гостями!
На свалке место им, в помойной яме!
Псам кинуть труп – и то велик почет!
Засыпь поля их смрадными костями
И тлеть оставь – пусть внук по ним прочтет,
Как защищал свое достоинство народ!

89

Еще не пробил час, но вновь войска
Идут сквозь пиренейские проходы,
Конца никто не ведает пока,
Но ждут поработанные народы,
Добьется ли Испания свободы,
Чтобы за ней воспряло больше стран,
Чем раздавил Писарро. Мчатся годы!
Потомкам Кито мир в довольстве дан,
А над Испанией свирепствует тиран.

90

Ни Сарагоссы кровь, ни Альбуера,
Ни горы жертв, ни плач твоих сирот,
Ни мужество, какому нет примера, —
Ничто испанский не спасло народ.
Доколе червю грызть оливы плод?
Когда забудут бранный труд герои?
Когда последний страшный день уйдет,
И на земле, где галл погряз в разбое,
Привьется Дерево Свободы, как родное?

91

А ты, мой друг! – но тщетно сердца стон
Врывается в строфу повествованья.
Когда б ты был мечом врага сражен,
Гордясь тобой, сдержал бы друг рыданья.
Но пасть бесславно, жертвой врачеванья,
Оставить память лишь в груди певца,
Привыкшей к одиночеству страданья,
Меж тем как Слава труса чтит, глупца, —

Нет, ты не заслужил подобного конца!

92

Всех раньше узнан, больше всех любим,
Сберегшему так мало дорогого
Сумел ты стать навеки дорогим.
«Не жди его!» – мне явь твердит сурово.
Зато во сне ты мой! Но утром снова
Душа к одру печальному летит,
О прошлом плачет и уйти готова
В тот мир, что тень скитальца приютит,
Где друг оплаканный о плачущем грустит.

93

Вот странствий Чайльда первая страница.
Кто пожелает больше знать о нем,
Пусть следовать за мною потрудится,
Пока есть рифмы в словаре моем.
Бранить меня успеете потом.
Ты, критик мой, сдержи порыв досады!
Прочти, что видел он в краю другом,
Там, где заморских варваров отряды
Бесстыдно грабили наследие Эллады.

Песнь вторая

1

Пою тебя, небесная, хоть к нам,
Поэтам бедным, ты неблагоклонна.
Здесь был, богиня мудрости, твой храм.
Над Грецией прошли врагов знамена.
Огонь и сталь ее терзали лоно,
Бесчестило владычество людей,
Не знавших милосердия и закона
И равнодушных к красоте твоей.
Но жив твой вечный дух средь пепла и камней.

2

Увы, Афина, нет твоей державы!
Как в шуме жизни промелькнувший сон,
Они ушли, мужи высокой славы,
Те первые, кому среди племен
Венец бессмертья миром присужден.
Где? Где они? За партой учат дети
Историю ушедших в тьму времен,
И это все! И на руины эти
Лишь отсвет падает сквозь даль тысячелетий.

3

О сын Востока, встань! Перед тобой
Племен гробница – не тревожь их праха.
Сменяются и боги чередой,
Всем нить прядет таинственная Пряха.
Был Зевс, пришло владычество Аллаха,
И до тех пор сменяться вновь богам,
Покуда смертный, отрешась от страха,
Не перестанет жечь им фимиам
И строить на песке пустой надежды храм.

4

Он, червь земной, чего он ищет в небе?
Довольно бы того, что он живет.
Но так он ценит свой случайный жребий,
Что силится загадывать вперед,
Готов за гробом кинуться в полет
Куда угодно, только б жить подоле,
Блаженство ль там или страданье ждет.
Взвесь этот прах! Тебе он скажет боле,
Чем все, что нам твердят о той, загробной доле.

5

Вот холм, где вождь усопший погребен,
Вдали от бурь, от песен и сражений, —
Он пал под плач поверженных племен.
А ныне что? Где слезы сожалений?
Нет часовых над ложем гордой тени,
Меж воинов не встать полубогам.
Вот череп — что ж? Для прошлых поколений
Не в нем ли был земного бога храм?
А ныне даже червь не приютится там.

6

В пробоинах и свод его, и стены,
Пустынны залы, выщерблен портал.
А был Тщеславья в нем чертог надменный,
Был Мысли храм, Души дворец блистал,
Бурлил Страстей неудержимый шквал,
Но все пожрал распада хаос дикий,
Пусты глазницы, желт немой оскал.
Какой святой, софист, мудрец великий
Вернет былую жизнь в ее сосуд безликий?

7

«Мы знаем только то, — сказал Сократ, —
Что ничего не знаем». И, как дети,

Пред Неизбежным смертные дрожат.
У каждого своя печаль на свете,
И слабый мнит, что Зло нам ставит сети.
Нет, суть в тебе! Твоих усилий плод —
Судьба твоя. Покой обрящешь в Лете.
Там новый пир пресыщенных не ждет.
Там, в лоне тишины, страстей неведом гнет.

8

Но если есть тот грустный мир теней,
Что нам мужи святые описали,
Хотя б его софист иль саддукей
В безумье знаний ложных отрицали, —
Как было б чудно в элизийской дали,
Где место всем, кто освещал наш путь,
Услышать тех, кого мы не слыхали,
На тех, кого не видели, взглянуть,
К познавшим Истину восторженно примкнуть.

9

Ты, с кем ушли Любовь и Счастье в землю,
Мой жребий – жить, любить, но для чего?
Мы так срослись, еще твой голос внемлю,
И ты жива для сердца моего.
Ужель твое недвижно и мертво!
Живу одной надеждой сокровенной,
Что снова там услышу зов его.
Так будь, что будет! В этой жизни брэнной
Мое блаженство – знать, что ты в стране блаженной.

10

Я сяду здесь, меж рухнувших колонн,
На белый цоколь. Здесь, о Вседержитель,
Сатурна сын, здесь был твой гордый трон.
Но из обломков праздный посетитель
Не воссоздаст в уме твою обитель,
Никто развалин вздохом не почтит.
И, здешних мест нелюбопытный житель,
На камни мусульманин не глядит,

А проходящий грек поет или свистит.

11

Но кто же, кто к святилищу Афины
Последним руку жадную простер?
Кто расхищал бесценные руины,
Как самый злой и самый низкий вор?
Пусть Англия, стыдясь, опустит взор!
Свободных в прошлом чтут сыны Свободы,
Но не почтил их сын шотландских гор:
Он, переплыв бесчувственные воды,
В усердье варварском ломал колонны, своды.

12

Что пощадили время, турок, гот,
То нагло взято пиктом современным.
Нет, холоднее скал английских тот,
Кто подошел с киркою к этим стенам,
Кто не проникся трепетом священным,
Увидев прах великой старины.
О, как страдали скованные пленом,
Деля богини скорбь, ее сыны,
Лишь видеть и молчать судьбой обречены!

13

Ужель признают, не краснея, бритты,
Что Альбион был рад слезам Афин,
Что Грецию, молившую защиты,
Разграбил полумира властелин!
Страна свободы, страж морских пучин,
Не ты ль слыла заступницей Эллады!
И твой слуга, твой недостойный сын
Пришел, не зная к слабому пощады,
Отнять последнее сокровище Паллады!

14

Но ты, богиня, где же ты, чей взгляд
Пугал когда-то гота и вандала?
Где ты, Ахилл, чья тень, осилив ад
И вырвавшись из вечного провала,
В глаза врагу грозю заблестала?
Ужель вождя не выпустил Плутон,
Чтоб мощь его пиратов обуздала?
Нет, праздный дух, бродил над Стиксом он
И не прогнал воров, ломавших Парфенон.

15

Глух тот, кто прах священный не почитит
Слезам горя, словно прах любимой.
Слеп тот, кто меж обломков не грустит
О красоте, увы, невозвратимой!
О, если б гордо возгласить могли мы,
Что бережет святыни Альбион,
Что алтари его рукой хранимы.
Нет, все поправ, увозит силой он
Богов и зябких нимф под зимний небосклон.

16

Но где ж Гарольд остался? Не пора ли
Продолжить с ним его бесцельный путь?
Его и здесь друзья не провожали,
Не кинулась любимая на грудь,
Чтоб знал беглец, о ком ему вздохнуть.
Хоть красоты иноплеменной гений
И мог порой в нем сердце всколыхнуть,
Он скорбный край войны и преступлений
Покинул холодно, без слез, без сожалений.

17

Кто бороздил простор соленых вод,
Знаком с великолепною картиной:
Фрегат нарядный весело плывет,
Раскинув снасти тонкой паутиной.
Играет ветер в синеве пустынной,
Вскипают шумно волны за кормой.

Уходит берег. Стаей лебединой
Вдали белеет парусный конвой.
И солнца свет, и блеск пучины голубой!

18

Корабль подобен крепости плавучей.
Под сетью здесь – воинственный мирок.
Готовы пушки – ведь неверен случай!
Осиплый голос, боцмана свисток,
И вслед за этим дружный топот ног,
Кренятся мачты и скрипят канаты.
А вот гардемарин, еще щенок,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.